

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 89—97.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 89—97.

Научная статья

УДК 94(47)"1914/1917":355.40

EDN <https://elibrary.ru/hwguxz>

DOI: 10.46726/H.2026.1.12

ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ КОНТРРАЗВЕДКИ О ПРОПАГАНДИСТСКИХ УГРОЗАХ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вадим Олегович Зверев

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия,
zvarevoma@mail.ru

Аннотация. Путем введения в научный оборот уникальных архивных материалов раскрываются неизвестные специалистам страницы истории Первой мировой войны. Речь, в частности, идет о диверсионно-пропагандистских усилиях дезертиров и сектантов (баптисты-евангелисты), направленных на морально-нравственное разложение фронтовых и тыловых частей русской армии, прекращение ее участия в боевых действиях по защите Отечества. В связи с чем в фокусе пристального исследовательского внимания оказались документальные сведения о некоторых аспектах контрразведывательной и военно-цензурной деятельности штабов армий, входивших в состав Западного и Юго-западного фронтов.

Рассматривается алгоритм успешности в действиях дезертиров-шпионов из категории русских военнопленных, которых подбирали и вербовали в немецких (прусских) и австрийских концлагерях. Автор обнаружил доказательства наличия «германского следа» в организации преступной пропаганды среди нижних чинов русской армии, а также занятости в этом криминальном деянии русских революционеров-эмигрантов с целью низведения российского государства во второстепенный разряд.

Также было сделано заключение о том, что военная контрразведка, оперировавшая собственными, а позже полученными из Департамента полиции МВД России агентурными сведениями, имела своевременное и полное представление о новой скрытой военно-идеологической угрозе, инициированной германской разведкой в отношении вооруженных сил Российской империи. Контрразведчики знали и о германских планах по уничтожению российской государственности с использованием агентов влияния, в особенности благодаря антимилитаристским усилиям сектантов, а также об агентурно-диверсионных приемах борьбы. Кроме того, выявлены и предложены свидетельства финансовой поддержки русского сектантства из казенных и частных германских фондов.

Ключевые слова: контрразведка, русская армия, дезертиры-пропагандисты, революционная пропаганда, цензоры, шпионы, сектанты

Для цитирования: Зверев В.О. Осведомленность контрразведки о пропагандистских угрозах на фронтах Первой мировой войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 89—97.

В «Наставлении по контрразведке в военное время» от 6 июня 1915 г. сказано, что главная цель органов контрразведки заключалась «в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации <...> в районе, занятом нашими (русскими. — В. З.) войсками, и их ближайшем тылу, всякого рода шпионских организаций и агентов...» [Галвазин: 54]. Однако складывавшаяся практика обеспечения собственной безопасности действующей армии в обстановке «Великого отступления»

и последовавшей вскоре «окопной войны» предъявляла все новые требования, которые вряд ли можно было предусмотреть в названном правовом акте. И контрразведчики уже были сосредоточены не только на выявлении иностранных и, прежде всего, германских и австрийских шпионов, а также предателей Родины из числа русскоподданных, но и на выполнении других, несвойственных им обязанностей. Так, контрразведывательные отделения (далее — КРО) производили расследования о выделке и продаже суррогатов, взяточничестве [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 806. Л. 65; Д. 1056. Л. 5]. Непрофильными представляются задержания лиц, получивших незаконное освобождение от призыва на военную службу, или тех, кого изблещили в оскорблении представителей власти [Там же: д. 93, л. 204, 280]. В этом перечне, который можно было бы и продолжить, встречаются и вовсе не стандартные, на первый взгляд не соприкасавшиеся с контрразведывательной сферой задачи, такие как, например, выявление пропагандистских угроз собственной безопасности русской армии (диверсионная работа дезертиров-пропагандистов и сектантов).

Проблема контрразведывательного охранения интересов сражающегося государства и его армии, главным образом от разлагающего влияния антимилитаристских помыслов и настроений, так и не оказалась в поле зрения отечественных историков. Редкие из них уделили лишь косвенное внимание вопросам большевистской и иной антиправительственной пропаганды в тыловых и фронтовых частях, но в других научных контекстах [Лаптев: 169—174; Кипнис: 420, 424—425]. Заслуга С.Н. Семанова видится в том, что он указал на попытки главнокомандующего Юго-западным фронтом (далее — ЮЗФ) генерал-адъютанта А.А. Брусилова сохранить в армии «старую дисциплину и препятствовать распространению революционных идей» [Семанов: 243—244]. Свой вклад внесли и некоторые мемуаристы — советские полководцы и маршалы Советского Союза А.А. Василевский [Василевский] и Г.К. Жуков [Жуков]. Они оставили вполне реалистичные воспоминания о революционной пропаганде и своем осмысленном участии в ней (речь идет о Георгии Константиновиче Жукове) на фронте Первой мировой войны. Военачальник русской армии Н.Н. Головин запомнился как скрупулезный исследователь, опубликовавший ценные статистические сведения о количестве пленных из русской армии [Головин].

Теперь же, с учетом названных литературных произведений и обширной архивно-документальной основы, реконструируем и проанализируем «околовоенные» исторические события, центральное место в которых будет отведено уровню осведомленности армейских КРО о наличии пропагандистских угроз (ослабление воинской дисциплины и дезорганизация армии посредством революционной и околорелигиозной пропаганды). Для понимания же их характера ответим на следующие взаимосвязанные вопросы. Каково было количество русских солдат и офицеров, попавших в немецкий и австрийский плен (в ходе «Великого отступления»)? Каким из видов незаконной деятельности, подрывающей основы собственной безопасности русской армии, занимались отдельные военнопленные? Кто и с какой целью поставлял в войска литературу революционного толка? Был ли первоначальный и значительный успех от антивоенной пропаганды среди военнослужащих? И какую роль в ослаблении армии сыграли сектанты?

В конце 1914 г. разведывательное отделение штаба Северо-западного фронта, ссылаясь на агентурные сведения, сообщало о фактах незаконных почтовых переводов в русские войска материалов революционного содержания [РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 42]. Полагаем, разовый и в то же время тревожный сигнал о конспиративной деятельности неких «евреев и агитаторов различных

политических партий» командованием действующей армии был оставлен без должного внимания. Тем более что серьезных оснований для беспокойства не наблюдалось. И даже несмотря на гибель почти целой армии в ходе Восточно-Прусской операции, русские войска по-прежнему сохраняли боеспособность и высокий морально-политический дух. На это указывали такие итоги кампании 1914 г., как: чувствительное поражение австро-венгерских сухопутных сил и захват Восточной Галиции со Львовом, а также осада мощнейшей австрийской крепости Перемышль.

Однако с наступлением весны 1915 г. характер военных действий, как известно, резко изменился, и не в пользу России. После ряда тяжелых поражений и отступления ее армий, линия фронта наконец стабилизировалась. Войска «вгрызались» в землю. Началось длительное сидение в окопах, одним из главных результатов которого стало истощение запаса моральной прочности русских воинов. С накоплением эмоциональной усталости, пошатнулась и вера в победу над германцами. Именно поэтому семена революционной (антивоенной) пропаганды дали необычайно быстрые всходы, а мероприятия КРО по выяснению целей и характера деятельности дезертиров-пропагандистов (идеологических диверсантов) и их численности, а также мест и специфики подготовки должны были оказаться в ряду приоритетных.

Среди первых достоверных упоминаний существования в войсках неких пропагандистов стал доклад чиновника для поручений Плакиды начальнику КРО штаба 3-й армии Западного фронта (далее — ЗФ) от 15 ноября 1915 г. (г. Слуцк). В этом документе говорится о том, что в запасных батальонах Москвы «встречается много солдат-дезертиров (курсив мой. — В. З.), которые говорят о ненужности войны и о том, что следует или сдаваться в плен, или бежать из действующей армии» [Там же: л. 161]. Причем, как установили контрразведчики, и в распоряжении 3-й армии «наблюдался громадный наплыв (курсив мой. — В. З.)» русских солдат, бежавших из неприятельского плена, а также дезертиров [Там же: л. 165]. Для понимания масштабов проблемы, ее глубины и разрушительного потенциала обратимся к квалифицированному мнению бывшего генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии ЮЗФ генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Согласно его подсчетам, только в летнюю кампанию 1915 г. русская армия пленными потеряла 976 тыс. человек, или в среднем по 160 тыс. солдат и офицеров в месяц [Головин: 407]. Полагаем, те из военнопленных, кто дезертировал с поля боя и нарушил тем самым воинскую присягу, представляли существенную угрозу (в форме шпионажа) для безопасности войск, в первую очередь для фронтовых частей.

Из сотен русских военнопленных, заключенных в немецкие концентрационные лагеря и пошедших там на сотрудничество с администрацией, в том числе с офицерами армейской разведки, тщательно отбирали и готовили по большей части шпионов. Именно так, например, было в 1915 г. в лагере Стральзунд (Восточная Пруссия) [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 2. Л. 391]. По возвращении в свои части, беглым военнопленным, а в действительности «дезертирам-шпионам», предлагалось осуществлять сбор разведданных и доставлять их немцам в результате повторной сдачи в плен на платной основе [Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 148]. Данная схема отличалась своей простотой и безупречностью. Отсутствие конспиративных связей и контактов, явочных адресов, шифров, средств и способов тайнописи, поддельных документов и других улик или признаков шпионажа, а также низкая информативность контрразведывательных допросов создавали благоприятные условия вернувшимся из германского плена военнослужащим в реализации их преступных намерений. Более того, шпионов из числа

дезертиров не тревожило и чувство безысходности по поводу неминуемого судебного приговора после разоблачения. Во время конвоирования (в случае поимки) в свою часть для придания суду, виновные зачастую убегали повторно. Так, осенью 1915 г., при переводе из минской тюрьмы в г. Борисов подозреваемые в военном шпионаже рядовые 59-го пехотного Люблинского полка С.Ф. Фудаль и Ф.Д. Богдановский бежали [Там же. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 45. Л. 64]. Если же дезертир все-таки предстал перед судом, то его приговоры, связанные с заключением в тюрьму, не исполнялись, а отсрочивались до окончания войны [Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 153].

Одновременно с увеличением числа квалифицированных шпионов в концлагерях шел процесс обучения идеологических диверсантов, о чем было известно русской контрразведке. Как видно из письма дежурного генерала при ставке главноверха начальнику штаба главнокомандующего армиями ЗФ от 14 ноября 1915 г. № 2209, дистанционной подготовкой названной категории преступников занимались русские эмигранты-революционеры и, в частности, социалисты-революционеры. Они организовали в Гааге «Комитет революционной пропаганды среди русских пленных в Германии», заручившись при этом поддержкой со стороны немцев. «В целях оказания содействия указанному Комитету, в смысле успешного достижения поставленной им задачи, *германские власти изъявили согласие на пропуск из Голландии в Германию без предварительной цензуры всех изданий Комитета* (курсив мой. — В. З.)» [Там же. Л. 151]. Помимо опосредованного участия в снабжении будущих диверсантов экстремистской литературой, немецкое военное ведомство было непосредственно занято в решении диверсионных задач на Восточном фронте. Вот что об этом пишет бывший германский «генштабист», генерал-майор, ветеран Первой мировой войны и мемуарист Макс Гофман: «...мы пытались путем пропаганды усилить разложение, внесенное революцией в русские войска» [Гофман: 180]. Далее, но уже от своего имени, он добавляет: «Подобно тому, как я пускаю гранаты в неприятельские окопы, как я выпускаю против них ядовитые газы, так же я имею право в качестве врага употреблять против него и средства пропаганды» [Там же].

Быстрым результатом совместных усилий русских революционеров и немецкого правительства явились успешные пропагандистские атаки, зафиксированные вскоре в расположении 2-й армии ЗФ. Уже к середине декабря 1915 г. имелись редкие факты добровольной сдачи в плен «как отдельных нижних чинов, так, по-видимому, и целых групп со своими начальниками» [РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 176].

В наших руках оказался и другой, не менее содержательный документ — письмо товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого начальнику штаба главноверха генералу от инфантерии М.В. Алексееву № 100454 от 15 января 1916 г. (с пометкой «Доверительно»). В нем звучит предупреждение о том, что «заграничные революционные кружки» стремятся инициировать после войны в России народное восстание, успех которого во многом зависит от «революционно настроенной армии». Революционерами принято решение «вести самую широкую пропаганду в войсках и первым объектом такой пропаганды» были намечены русские военнопленные в Восточной Пруссии и Австро-Венгрии [Там же: л. 187].

Эсеры и члены партии «Бунд», а также большевики, территориально находившиеся в Германии и Швейцарии, изыскивали возможности для личных контактов с военнопленными или посылали им газеты и книги революционного или тенденциозного характера. Главная мысль этой литературы сводилась к подготовке идейных бойцов или, повторяя слова Степана Петровича Белецкого, — «борцов за освобождение истрадавшей Родины от векового рабства» [Там же].

Как показал ход последующих исторических событий многочисленные дезертиры-пропагандисты и им сочувствующие революционно настроенные нижние чины порой без труда убеждали солдат, большая часть которых была из крестьянского сословия и новобранцев (они еще не отождествляли себя с армией и не знали ее традиций), в империалистической и антинародной сути войны. Вот, что об этом вспоминает Г.К. Жуков (идейная позиция младшего унтер-офицера Георгия Жукова, октябрь 1916 г.): «Конечно, я мало разбирался в политических вопросах, но считал, что война выгодна лишь богатым и ведется в интересах правящих классов, а мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики, и никто другой. Это, в меру своих возможностей, я и внушал своим солдатам (курсив мой. — В.З.)» [Жуков: 56].

Также добавим, что, помимо собственно революционных идей, некоторые социал-демократы не брезговали использовать в качестве «убедительных доводов» и ложные сведения. К примеру, 28 апреля 1916 г. КРО штаба 2-й армии ЗФ располагало данными о том, что в своих речах агитаторы «подтасовывают факты... о высшем командном составе, о злоупотреблениях в армии и т. д.» [РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 202].

Таким образом, контрразведка знала, что главными заинтересованными сторонами и инициаторами уничтожения Российской империи посредством ослабления и вывода ее армии из войны были военно-политическое руководство Германии, предположительно ее генеральный штаб (служба разведки), а также русские революционные организации экстремистского толка в Европе. Орудием же пропагандистских атак на русскую армию выступили ее бывшие военнослужащие, предатели — те, кто добровольно и осознанно перешел на сторону неприятеля (прежде всего, в 1915 г. — начале 1916 г.). Вчерашние дезертиры, а вскоре эмиссары запрещенных в Российской империи революционных партий, приняли активное участие в процессе идеологического разложения русской армии. И все же, несмотря на деятельные, но пока бессистемные и фрагментарные, слабовыраженные и малоуспешные усилия по ее дезорганизации, предпринятые внешними и внутренними врагами, войска сохраняли свою боеспособность и морально-психологическую устойчивость. Так, например, 31 марта 1916 г. военно-цензурное отделение отдела генерал-квартирмейстера (далее — ВЦО ОГЕНКВАР) штаба 8-й армии ЮЗФ сообщало «о высокопатриотическом, спокойном, бодром и уверенном состоянии духа войск» [Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 22]. По данным ВЦО ОГЕНКВАР штаба 11-й армии ЮЗФ от 19 апреля и 19 мая 1916 г., «настроение войск осталось хорошим», «офицеры характеризуются как заботливые начальники», «главным виновником войны считается Германия», «подъем духа выражается в частых пожеланиях сойтись с врагами в штыковом бою» [Там же: л. 21]. Эти и им подобные выводы, сделанные цензорами ВЦО в ходе перлюстрации солдатских и офицерских писем, наглядно свидетельствовали о высокой дисциплине среди нижних чинов, их верноподданнических настроениях, политической зрелости и намерении воевать до победного конца. При этом важно отметить, что проявления в армии искренней преданности царю и Отечеству обнаружались не только в ходе «Брусиловского прорыва» или вскоре после его триумфального завершения, а в преддверии, когда стратегическая инициатива была еще на стороне противника.

В целом же кампания 1916 г. завершилась успешно для русской армии. Улучшилось ее боевое снабжение. «Снарядный голод» и огневое бессилие в борьбе с оккупантами остались в прошлом. Наступательные операции, особенно на участках армий ЮЗФ, подняли боевой дух войск. Но это ликование продолжалось

недолго. Уже в октябре-ноябре 1916 г. военные цензоры ЮЗФ констатировали: «Затянувшаяся война тяжелая и упорная. Осенняя распутица и переход к монотонной жизни в окопах начинает утомлять более слабых физически и нравственно. Дороговизна жизни в тылу и оттого беспокойные взгляды назад, на свои семьи... Все это отражается на настроении армии. К тому же всякие фантастические слухи, главным образом о мире, получающие свое начало неизвестно откуда, но внедряясь все глубже и глубже в толщу войск, действуют на психологию солдатских масс отрицательным образом» [Там же. Д. 2933. Л. 368].

В течение всей войны, помимо идеологических диверсантов, профессиональных революционеров и им симпатизирующих, в том числе в рядах военнослужащих, существенный урон боеспособности армии наносили сектанты (баптисты). Еще в конце 1914 г. их проповеднические беседы антимилитаристского содержания в лазаретах русской армии были признаны Особым делопроизводством ОГЕНКВАР Главного управления Генерального штаба Военного министерства России одним из «опаснейших видов пропаганды» [Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 25]. А в начале января 1916 г. органы армейской разведки добыли очередные доказательства причастности баптистских пасторов к поставке в войска запрещенной литературы и антивоенной пропаганде, а также привлечения нижних чинов к участию в своих собраниях (к примеру, как это было в г. Лемзале Лифляндской губернии [Там же. Л. 82]). Причем, как выяснилось, все денежные затраты брала на себя немецкая сторона. Из письма протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского на имя врио начальника штаба главковерха генерала от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко от 31 января 1917 г. следует, что российская организация сектантов имела немецкое покровительство, так как первоначально финансировалась из военных фондов Германской империи при ее первом канцлере Отто фон Бисмарке, а позже — из личных средств императора Вильгельма II [Там же. Л. 307].

После февральской революции 1917 г. разрушительная работа дезертиров-пропагандистов и сектантов в совокупности с революционно-криминальной вакханалией в Петрограде, а также участием «либералов-политиканов всех мастей» дали закономерный результат — всеобщее и окончательное разложение войск столичного гарнизона, а позже надлом всей военной организации. Фронтвые части, деморализованные и демотивированные, утрачивая свою способность обороняться и, тем более, участвовать в наступательных операциях, лишались своего прежнего облика. На передовой линии наблюдались многочисленные факты уклонения от исполнения воинского долга и игнорирования приказов непосредственных командиров и начальников, бегства с позиций в тыловые города. Инициативная сдача в плен, а также повсеместное братание и пьянство с врагом становились множественным и обыденным явлением «окопных будней». Другой их приметой было создание альтернативных командных структур — солдатских комитетов (с опорой на конкретные демократические принципы). Вскоре они дискредитировали и ликвидировали фундаментальные начала русской императорской армии — принципы единоначалия и субординации среди военнослужащих, а также поправили многовековые основы их православного, верноподданнического (монархического) мировоззрения и готовность воевать «не щадя живота своего». В этой связи А.М. Василевский вспоминал: «Приводя в беседах с рядовыми простые, понятные, хорошо знакомые примеры из фронтовой жизни, агитаторы-большевики... с легкостью агитировали против продолжения империалистической войны [Василевский: 123].

Внутриполитическая ситуация на фронте и в тылу отягощалась и тем, что вслед за выведением из строя русской армии, смертельный удар был нанесен и российской государственности. По сведениям Главного управления Генерального штаба от 25 сентября 1917 г., германская разведка командировала в Россию «большое количество своих агентов» для решения задач диверсионного характера. «Распространение среди населения и армии мысли о заключении сепаратного мира без аннексий и контрибуций... , поощрение пропаганды сепаратистских идей среди разных народностей и партий для раздела великой России... , посредством печати и денег, поощрение забастовок, мятежей и революции» [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1349. Л. 70] приблизило скорую политическую смерть и без того «конвульсировавшего» Временного правительства.

Завершая статью, остановимся на существенных выводах. Во-первых, путем историко-документальной реконструкции нам удалось воссоздать общее представление о новой скрытой угрозе собственной безопасности русской армии на фронте и в тылу — антивоенной пропаганде. Причем о первых признаках этой проблемы русская военная разведка, решавшая первоначально и задачи по линии контрразведки, узнала заблаговременно — в начале Первой мировой войны или тогда, когда о будущих подрывных замыслах отдельных бывших русских военнопленных или дезертиров (субъекты противозаконной деятельности), обусловленных их сотрудничеством с германскими властями, и через их посредничество с русскими революционными ячейками за рубежом, никто не догадывался. Также контрразведчики были заранее проинформированы и о другом субъекте преступной пропаганды — сектантах, проповеди которых, являвшиеся по своей сути иррациональными, овладевали не столько умами, сколько душами солдат. Настойчивая популяризация псевдорелигиозных и иллюзорных идей о всеобщем мире во время войны «разоружала» и обессиливала военнотружущих, делая их духовно и морально слабыми, податливыми и психологически зависимыми от врагов России.

Однако сложная и неоднозначная военная кампания 1914 г., с ее блестящими победами и трагическими поражениями, не позволила фронтовому командованию переключить и сосредоточить свое внимание на неочевидной угрозе — своевременно оценить ее величину, психотравмирующую силу и непоправимые последствия для армии и самодержавного режима, а также принять оперативные контрмеры. Во-вторых, германская разведка разработала малозатратное, эффективное и ранее неизвестное средство «небоевого» (психологического) уничтожения живой силы русской армии и ее морально-политического превосходства — диверсионную революционно-пропагандистскую деятельность дезертиров и сектантов. Одни из них, согласившиеся в концлагере на сделку с противником, а также движимые желанием выжить любой ценой и страхом возможного разоблачения, становились мотивированными шпионами и агентами-пропагандистами. Делая ставку на системные и продолжительные трудности в русской армии («снарядный голод», перебои с продовольствием, «измена в верхах», революционное брожение в тылу и др.), они призывали «своих» складывать оружие, саботировать приказы офицеров, нарушать дисциплину, покидать боевые позиции и возвращаться к мирной жизни. Провокаторам предлагалось вселять сомнения в незыблемости монархических и православных ценностей, целесообразности продолжения войны. Причем выполнение поставленной задачи по разобщению и дискредитации русской армии, имело под собой как правило безвозмездные основания.

Сила сектантов-пропагандистов, подкреплённая все теми же критическими обстоятельствами дня текущего, заключалась в простоте их проповедей, антивоенное содержание которых малообразованные и безграмотные нижние чины

воспринимали нерационально, как правило, в обстановке всеобщего эмоционального кружения и психологического заражения. Вместе с тем, будучи в большинстве своем глубоко верующими и богобоязненными людьми, солдаты (православные христиане) не задумывались о том, что предлагаемые им искаженные смыслы, по сути псевдоценности, не имеют даже косвенного отношения к Евангелию и православной вере, более того, что они противоречат некоторым ее фундаментальным нравственным постулатам. Но, так как сектанты именовали себя «евангелистами», то это не только устраняло возможное недопонимание или разночтение, но и привлекало к ним широкую солдатскую аудиторию.

В-третьих, можно с уверенностью говорить о ситуативно тождественных интересах германского военного ведомства и русских революционеров (в отдельных европейских странах). И те, и другие были заинтересованы в масштабной подготовке идейных борцов-пропагандистов из числа русских военнопленных, которые смогли бы в ближайшем будущем, используя силу убеждения и внушения, а если потребуется, то с опорой на недостоверные сведения, достичь одной лишь цели — погибели русской императорской армии (посредством вывода ее из войны), а вместе с ней и краха российской государственности. Что, собственно, в конце концов и произошло.

Список источников

- Василевский А.М. Дело всей моей жизни. 3-е изд. М., 1978. 552 с.
 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. М., 1986. 303 с.
 РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив).

Список литературы / References

- Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. 192 с.
 (Galvazin S.N. Security structures of the Russian Empire: Formation of the apparatus, analysis of operational practice, Moscow, 2001, 192 p. — In Russ.)
- Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2016. 560 с.
 (Golovin N.N. Russia in the First World War, Moscow, 2016, 560 p. — In Russ.)
- Гофман М. Война упущенных возможностей / под ред. Л.М. Сурица. М.; Берлин, 2015. 223 с.
 (Hoffman M. The War of Missed Opportunities, ed. by L.M. Suris, Moscow; Berlin, 2015, 223 p. — In Russ.)
- Кипнис Б.Г. Последние герои: к вопросу о боеспособности русской армии в октябре 1917 г. // Военная история России XIX—XX веков: материалы XI Международной военно-исторической конференции. СПб: СПб ГУПТД, 2018. 163 с.
 (Kipnis B.G. The Last Heroes: On the Question of the Combat Capability of the Russian Army in October 1917, *Military history of Russia in the 19th—20th centuries: Proceedings of the XI International military-historical conference*, St. Petersburg, 2018, 163 p. — In Russ.)
- Лаптев А.К. Борьба с революционной и антивоенной пропагандой в 1914—1916 гг. (на материалах Смоленской губернии) // Федерализм. 2017. № 3 (87). С. 168—175.
 (Laptev A.K. The fight against revolutionary and anti-war propaganda in 1914—1916 (based on materials from the Smolensk province), *Federalism*, 2017, no. 3 (87), pp. 168—175. — In Russ.)
- Семанов С.Н. Генерал Брусилов: Документальное повествование. М., 1988. 318 с.
 (Semanov S.N. General Brusilov: Documentary narrative, Moscow, 1988, 318 p. — In Russ.)

COUNTERINTELLIGENCE AWARENESS OF PROPAGANDA THREATS ON THE WORLD WAR I FRONTS

Vadim O. Zverev

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, zverevoma@mail.ru

Abstract. By introducing unique archival materials into scholarly circulation, previously unknown chapters of the history of the First World War are revealed. Specifically, this concerns the sabotage and propaganda efforts of deserters and sectarians (Baptist Evangelicals) aimed at morally corrupting the front-line and rear-line units of the Russian army and terminating its participation in military operations to defend the Fatherland. Consequently, this research focuses on documentary evidence on certain aspects of the counterintelligence and military censorship activities of army headquarters that were part of the Western and Southwestern Fronts.

This article examines the success of deserter-spies from the category of Russian prisoners of war, who were selected and recruited in German (Prussian) and Austrian concentration camps. The author discovered evidence of a “German connection” in the organization of criminal propaganda among the lower ranks of the Russian army, as well as the involvement of Russian revolutionary émigrés in this criminal enterprise, with the goal of relegating the Russian state to a secondary status.

It was also concluded that military counterintelligence, operating with its own intelligence and later obtained from the Russian Ministry of Internal Affairs Police Department, had a timely and complete understanding of the new, hidden military-ideological threat initiated by German intelligence against the armed forces of the Russian Empire. Counterintelligence agents were also aware of German plans to destroy Russian statehood using agents of influence, particularly through the anti-militarist efforts of sectarians, as well as of intelligence-led sabotage tactics. Furthermore, evidence was uncovered and presented of financial support for Russian sectarianism from state and private German funds.

Keywords: counterintelligence, Russian army, deserter propagandists, revolutionary propaganda, censors, spies, sectarians

For citation: Zverev V.O. Counterintelligence awareness of propaganda threats on the World War I fronts, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss 1, pp. 89—97.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Зверев Вадим Олегович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, zverevoma@mail.ru, SPIN: 2741-5758

Zverev Vadim Olegovich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Russian Language Department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, zverevoma@mail.ru